

## Глава 11. Плач

Позавтракав, часов в восемь-девять, Сяо Чэньюй сел на свой трёхколёсник и поехал домой. Он крутил педали не спеша, но, стоило попасть на поворот, как в нём просыпалась игривость — он резко заносил руль, будто это не мопед, а новая игрушка. Даже его удаляющаяся спина казалась беззаботной.

Ван Чи стоял у ворот двора и смотрел ему вслед, пока тот не скрылся за поворотом дороги. Лишь тогда он повернулся, обошёл дом и завёл свой подержанный «Wuling Hongguang».

У въезда в деревню его уже ждал Ван Синьлэй. Увидев машину, он забрался на пассажирское сиденье, и Ван Чи повёз его в городок.

До свадьбы Ван Синьлэй оставалось совсем немного — пора было закупать сигареты и алкоголь. Но его собственная машина несколько дней как сломалась и всё ещё стояла в ремонте, так что пришлось просить двоюродного брата составить компанию.

В городке они забрали заказанные ранее свадебные сладости, потом объехали несколько лавок и закупили алкоголь с сигаретами. Когда в кузове ещё осталось место, Ван Синьлэй попросил брата заехать на оптовку, чтобы пополнить запасы товара для магазина.

Летние закупки — всё то же самое: панамы, мороженое, напитки. Ван Чи, облокотившись на кузов, смотрел, как двоюродный брат таскает ящики, и вдруг заметил коробку, выбивавшуюся из общего ряда: растворимый кофе.

— Это что, Шэн Тан вдруг решила кофе пить? — спросил он.

— Нет, — ответил Ван Синьлэй. — Этот кофе Сяо Чэньюй попросил меня купить.

— Он тебя попросил? — Ван Чи прищурился, выделив голосом слово «тебя».

Ван Синьлэй наконец дотащил последнюю коробку, опустился прямо на бордюр и, отдуваясь, сказал:

— Ну а кого ещё? У меня ж свой магазин. У кого ему ещё покупать?

— Он что, любит кофе? — спросил Ван Чи.

Ван Синьлэй пожал плечами — чистый делец, не заинтересованный ни в чьих вкусах:

— Наверное. Но, брат, вы же вроде друзья? Как это ты сам не знаешь, что он любит пить?

Ван Чи не ответил. Секунд через десять он пнул Синьлэя по ноге:

— Уже поздно. Хватит сидеть, поехали домой.

Синьлэй, уставший до предела, буркнул, что хочет ещё немного отдохнуть. Но Ван Чи уже завёл мотор и стал выезжать.

Тот испугался, что его бросят, и, вытирая пот, вприпрыжку забрался в машину.

На деле времени было ещё предостаточно. Когда они вернулись в деревню, разгрузили всё купленное, и Ван Чи добрался до дома, стрелки часов не дошли и до пяти. Солнце ещё стояло высоко — до заката было далеко.

Просто сегодня двоюродный брат раздражал его одним своим видом. Хотелось поскорее спровадить его домой.

Припарковав машину, Ван Чи взял две коробки растворимого кофе, открыл ворота во двор и сразу ощутил непривычную тишину.

Последние несколько дней, стоило ему войти, как раздавался шум и возня. Тогда ему казалось, что слишком громко. А теперь, когда всё стихло, стало как-то пусто.

Ван Чи крепче прижал к груди коробки с кофе, присел и заговорил с Юаньбао:

— Никто с тобой не играет, да? Потерпи немного, завтра он вернётся.

До ужина было ещё далеко. Дел не находилось, и, походив по дому туда-сюда, Ван Чи потащил во двор шланг и принялся мыть машину.

Мимо проходила стайка ребятешек, игравших неподалёку. Ван Чи заметил, что у Лян Юэ на руке короткий, но свежий порез, непонятно где полученный. Он остановил мальчишку и смазал рану лекарством.

Сделав кучу мелких дел, он наконец дождался темноты, вернулся домой и принялся готовить ужин. Услышав, как отворилась дверь, он подумал, что это Цзинь Сю вернулась с игры в карты, не придав значения. А потом обернулся и замер: за столом сидел Сяо Чэньюй.

Он удивился, сразу отложил всё и подошёл ближе — хотел спросить, почему тот вернулся раньше, — но увидел, что Сяо Чэньюй выглядел уставшим и мрачным.

Неужели заболел?

Ван Чи протянул руку, чтобы проверить лоб:

— Снова температура?

Сяо Чэньюй отдёргнул голову, отмахнулся:

— Нет.

Ван Чи на миг растерялся.

Ведь утром он уехал весёлый, с улыбкой... как же за день можно так перемениться?

Наверное, просто устал.

Тогда Ван Чи достал растворимый кофе и поставил его перед ним:

— Вот, твой любимый кофе.

Он ждал, что у Сяо Чэньюя загорятся глаза, что тот поднимет голову и улыбнётся. Но Сяо Чэньюй лишь смотрел на коробку, молча, не произнося ни слова.

Ван Чи, не дождавшись реакции, встревожился, осторожно проведя рукой по его волосам:

— Почему ты такой грустный?

Но, будто спровоцированный этим движением, Сяо Чэньюй резко отстранился, отвернулся и внезапно вскочил. Причём так резко, что задел и опрокинул табурет.

Ван Чи ошеломлённо смотрел на него, а Сяо Чэньюй, будто ещё сильнее раздражён его взглядом, со злостью швырнул коробку с кофе на стол:

— Я не пью растворимый кофе! Никогда его не пил!

Сказав это, он стремительно выбежал наверх, даже не обернувшись.

Ван Чи остался сидеть, не двигаясь, пока в дом не вошла Цзинь Сю. Увидев эту сцену, она удивлённо спросила:

— Что случилось? — а потом, нахмурившись, добавила: — Зачем ты купил то, что Чэньюй не любит?

Лишь тогда Ван Чи очнулся от нарастающей тревоги. Попросив Цзинь Сю начинать ужин без него, он быстро поднялся наверх.

А Сяо Чэньюй чувствовал, что в последнее время у него всё идёт наперекосяк.

Телефон отобрали, банковскую карту заблокировали. Отец, рассердившись из-за его отказа работать в компании, сослал его в деревню «подумать над своим поведением». Но над чем именно он должен был размышлять — он так и не понял.

Он знал, что вчера старики звонили в дом Ван Чи лишь потому, что скучали по нему. Вот почему сегодня он специально вернулся домой на один день.

После обеда отец позвонил деду. Сяо Чэньюй сидел рядом, надеясь, что отец хотя бы вскользь поинтересуется, как у него дела. Но вместо этого услышал, как тот упомянул имя женщины — нынешней возлюбленной отца.

Он, конечно, не возражал против того, что у отца появилась новая спутница. Мать умерла больше десяти лет назад — отец имел право на личное счастье. Но стоило прозвучать этому имени, как дед тут же выключил громкую связь, намеренно скрыв разговор от него, словно не хотел, чтобы он всё это слышал.

Сяо Чэньюй не понимал, почему отец вовсе не интересуется им, и почему дед старается скрыть от него правду о новой любви отца.

Ему так хотелось выхватить телефон и рассказать всё самому, признаться, что той дождливой ночью он провалился в ловушку и едва не погиб. Хотел сказать, как сильно он тогда испугался. Но он не хотел тревожить стариков, заставлять их плакать из-за него.

Поэтому он только затаил обиду и, под предлогом, что у него дела, вернулся к Ван Чи.

Страх пришёл к нему уже по дороге — накатывал постепенно, слой за слоем.

Раньше Сяо Чэньюй не особенно задумывался о том, как упал в яму. Он просто считал тот случай счастливым, ведь именно тогда познакомился с Ван Чи.

Но теперь, вспоминая это, юноша вдруг осознал — тогда он был всего в шаге от смерти. Если бы Ван Чи не пришёл на помощь, он бы и вправду погиб. Как когда-то мама — закрыв глаза, с ровной линией на мониторе, и больше никогда не проснуться.

Когда-то он злился на отца и думал: если я умру, вот тогда он наконец поймёт, что потерял, будет убит горем. Но теперь он уже не был в этом уверен. Ему даже казалось, что в ту самую ночь, когда он бился в ловушке под проливным дождём, отец, возможно, шептал что-то на ухо своей возлюбленной.

Это Ван Чи спас ему жизнь. Только благодаря ему он остался жив.

Но стоило подумать о Ван Чи — и радости не было ни капли.

Ведь Ван Чи не любит его. Более того, жестоко отверг его признание.

Что с ним не так? Почему отец злится? Почему дед что-то скрывает? Почему Ван Чи его ненавидит?

Он ведь и правда... неплохой.

Чем больше Сяо Чэньюй думал об этом, тем сильнее щемило сердце. Мысли путались, слёзы текли сами собой.

Когда Ван Чи поднялся наверх, он уже догадывался, что Сяо Чэньюй плачет. Ещё внизу заметил — когда тот на него крикнул, глаза у него были красные. Но, увидев его свернувшимся в одеяле, беззвучно плачущим, он всё равно на миг застыл, не зная, что сказать.

Спустя какое-то время он подошёл, сел рядом на кровать. Не прошло и пары минут, как будто сам не осознав, лёг рядом, обнял Сяо Чэньюя, осторожно похлопал по спине, пытаясь его утешить.

Сяо Чэньюй не отстранился.

— Чего ты плачешь? — спросил Ван Чи.

— Мне совсем не нравится здесь, — ответил Сяо Чэньюй.

У Ван Чи сразу защемило сердце.

— Тогда завтра я отвезу тебя обратно в город, — тихо сказал он.

Но Сяо Чэньюй, услышав эти слова, расплакался ещё сильнее. Его голос дрогнул, став гнусавым:

— И ты тоже хочешь, чтобы я уехал...

По этому «тоже» Ван Чи наконец понял, что причина его слёз вовсе не в нём. Он остановился, осмыслил сказанное и мягко произнёс:

— Я не это имел в виду. Я очень хочу, чтобы ты остался. Живи здесь сколько захочешь.

— Правда? Поклянись, — настойчиво спросил Сяо Чэньюй.

— Клянусь, — сказал Ван Чи.

Сяо Чэньюй плакал тихо, не так шумно, как обычно. Ван Чи не слышал ни всхлипов, ни рыданий — только по тому, как всё сильнее намокала рубашка на груди, он понимал, что тот ещё не успокоился.

Он молча гладил его по спине, пытаясь успокоить, но внутри всё равно было беспокойно, мысли путались.

Только когда ткань перестала становиться влажнее, Сяо Чэньюй вдруг сказал:

— Но ты ведь всё равно не хочешь спать со мной в одной комнате.

Ван Чи замер... неужели он снова плакал из-за него?

Он поспешно ответил:

— Хочу. Сегодня же вечером вернусь и останусь.

Сяо Чэньюй шмыгнул носом:

— А я, когда возвращался домой, видел, как ты у ворот мазал лекарством руку Лян Юэ. Он поранился и ты был с ним такой ласковый. А когда я тогда ногу повредил, ты только ругался и сказал, что я сам был виноват.

— Ты и он — разные люди, — сказал Ван Чи, немного помолчав. — Извини. Я в следующий раз буду осторожнее.

— Ладно, прощаю, — буркнул Сяо Чэньюй и размазал по Ван Чи слёзы с насморком, чувствуя, как на душе наконец становится легче.

Сяо Чэньюй был из тех, кто не умеет скрывать эмоции: рад — значит смеётся, расстроен — значит хоть убей, но улыбки не выдавит. Как сегодня.

Он вообще не из плакс, просто не считал слёзы чем-то постыдным. Тем более, поплавав, он выпустил всё дурное изнутри... и в придачу выпросил, чтобы Ван Чи снова спал с ним. Это стоило того.

Вытерев с лица последние слёзы, он сказал:

— Я ведь правда не пью растворимый кофе.

Ван Чи погладил его по волосам:

— Теперь знаю. — И спросил: — А почему ты сегодня вернулся раньше?

Сяо Чэньюй не хотел вспоминать всё то, что терзало его днём, поэтому лишь уклончиво усмехнулся:

— А ты угадай.

Поэтому Ван Чи совершенно естественно решил, что Сяо Чэньюй вернулся раньше просто потому, что скучал по нему.

Пока Сяо Чэньюй принимал душ, Ван Чи ушёл в кабинет покурить.

Чтобы меньше пропахнуть дымом, он снял рубашку и распахнул окно. Опёршись на подоконник, мужчина затаился и вместе с выдохом снова увидел перед глазами Сяо Чэньюя, заплаканного, с дрожащими губами. Сердце тут же сжалось — мелкой, вязкой болью, неотступной и тянущей.

Он раньше думал, что Сяо Чэньюй беззаботен и горяч, словно шар огня: любимый, избалованный, неуязвимый. Но только сейчас понял — тот ведь просто маленький ёжик. Снаружи колючий, а внутри мягкий, ранимый до слёз.

И вот только что этот ёжик бесстрашно открыл перед ним свой беззащитный живот.

В последнее время Ван Чи всё чаще тянулся к сигаретам. Казалось, Сяо Чэньюй мог одним своим настроением взбаламутить ему душу: вывести из себя, заставить тревожиться, путаться в собственных чувствах.

Это неправильно. Так нельзя. Надо остановиться.

Он стряхнул пепел, глядя на горящий кончик сигареты, но тут же снова подумал: кто же всё-таки заставил Сяо Чэньюя так горько плакать? Кто посмел довести его до этого?

Во всяком случае, он бы не смог.

Если Сяо Чэньюй заплачет, он согласится на всё. Даже на то, от чего совсем недавно отказался — на то самое признание, что касалось любви.

К счастью, Сяо Чэньюй больше об этом не говорил.

Нет...

К сожалению, Сяо Чэньюй больше об этом не говорил.

<http://bllate.org/book/12345/1101757>